

Переводческие трансформации глагольной и именной областей в паре «русский – греческий»

А. Ю. Гришин

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
grishinaj@yandex.ru

Аннотация. Цель работы состоит в исследовании изменения модели валентности в новогреческом языке с конъюнктивной на дизъюнктивную в качестве фактора, вызывающего переводческие трансформации в паре русский-греческий. Реорганизация синтаксической связи глагольного узла, а также изменения в именной области создают предпосылки для регулярных переводческих трансформаций, как на уровне синтаксиса, так и на уровне лексем и морфем. Для проведения исследования были использованы четыре греческих текстовых корпуса, к материалам которых были применены сравнительно-типологический, структурно-семантический, контекстуальный и другие методы.

Ключевые слова: актантная структура, конъюнктивная валентность, дизъюнктивная валентность, атрибутивные модели, функции артикля, переводоведение

Для цитирования: Гришин А. Ю. Переводческие трансформации глагольной и именной областей в паре «русский – греческий» // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2025. Вып. 11 (905). С. 39–45.

Original article

Translation Transformations of the Verbal and Nominal Domains in the Pair “Russian – Greek”

Alexey J. Grishin

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
grishinaj@yandex.ru

Abstract. The purpose of the article is to analyze the change in the valence model in Modern Greek from conjunctive to disjunctive as a factor causing translation transformations in the Russian-Greek pair. The reorganization of the syntactic connection of the verbal node, as well as changes in the nominal domain, create the prerequisites for regular translation transformations, both at the level of syntax and at the level of lexemes and morphemes. To conduct the study, four Greek text corpora were used, to the materials of which comparative-typological, structural-semantic, contextual and other methods were applied.

Keywords: actantial scheme, conjunctive valence, disjunctive valence, attributive models, functions of the article, translation studies

For citation: Grishin, A. J. (2025). Translation transformations of the verbal and nominal domains in the pair “Russian – Greek”. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 11(905), 39–45. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Исследование переводческих трансформаций имеет двоякий характер: на теоретическом уровне оно представляет возможность точного описания языка методом его сопоставления с другим языком или даже языками, а на практическом – позволяет формировать у обучающихся по специальности «Перевод и переводоведение» паттерны, обеспечивающие адекватный перевод. Настоящая работа представляет собой прямое продолжение типологического исследования переводческих трансформаций [Гришин, 2024]. В данной статье продолжается исследование механизмов актантной деривации, которая не исчерпывается рассмотренной ранее лабильностью; еще одним таким механизмом служит дизъюнктивизация валентности, то есть замена конъюнктивной валентности на дизъюнктивную. Кроме того, в рамках исследования представляется важным анализ переводческих трансформаций именной области, что предполагает рассмотрение особенностей изменения структур именных групп и их компонентов при переводе. Продолжение исследования в этом направлении позволяет разработать в комплексе типологию переводческих трансформаций в указанной паре языков. Для достижения этой цели потребовалось проследить параллельные процессы упрощения морфологии глагола, перестройки синтаксиса глагольного узла, а также изменений в именной области. Задачи настоящего исследования состоят в следующем:

1) рассмотрение перехода греческого языка с конъюнктивной валентности на дизъюнктивную как фактора образования переводческих трансформаций с применением таких методов, как сравнительно-типологический, структурно-семантический, контекстуальный и другие;

2) выявление факторов в именной области, приводящих к регулярным переводческим трансформациям в паре «русский – греческий» путем дистрибутивного, сравнительно-сопоставительного, контекстуального анализа, а также методов корпусного лингвистического исследования.

Разработка типологии переводческих трансформаций в языковой паре «русский – греческий» не только предопределяет новизну и практическую значимость исследования, но и в целом вносит свой вклад в формирование теоретической базы сравнительно-сопоставительного лингвистического анализа и переводоведения, а также практической методологии обучения переводу. Для достижения репрезентативности и достоверности исследования автором были использованы Национальный корпус русского языка (ruscorpora.

ru) и четыре греческих текстовых корпуса (около 30–40 млн слов каждый), варьирующихся по охвату различных типов источников):

Σώμα Ελληνικών Κειμένων (корпус греческих текстов)¹,

Εθνικός Θησαυρός Ελληνικής Γλώσσας (Национальный тезаурус греческого языка)²,

Πύλη για την Ελληνική Γλώσσα (Портал в греческий язык)³,

Корпус новогреческого языка Corpus of Modern Greek, созданный М. Кассилиером и Т. Архангельским⁴.

ПЕРЕХОД ГРЕЧЕСКОГО ЯЗЫКА НА ДИЗЪЮНКТИВНУЮ ВАЛЕНТНОСТЬ КАК ИСТОЧНИК ПЕРЕВОДЧЕСКИХ ТРАНСФОРМАЦИЙ

Понятие валентности было введено и разработано С. Д. Кацнельсоном [Кацнельсон, 1987] в конце 40-х годов XX века на материале русского языка и затем внедрено в европейскую лингвистику филологом-славистом Л. Теньером [Теньер, 1988]. В соответствии с их концепциями глагольный узел определяет всю синтаксическую структуру предложения. Значение глагола предопределяет событийную схему, распределяет между актантами их семантические роли и приписывает каждому отдельному месту валентности свою грамматическую форму. При этом места валентности могут заполняться по отдельности. Такое независимое друг от друга присоединение зависимых членов имеет характер конъюнкции. Однако, в отдельных случаях выявляются примеры взаимоисключающего заполнения различных синтаксических мест валентности одним и тем же семантическим актантом. Ю. Д. Апресян, исследуя это явление, вводит понятие дизъюнкции при описании валентности глагола⁵. Следует отметить, что это явление представляется для русского языка периферийным, в то время как в новогреческом устройстве глагольной валентности по принципу дизъюнкции становится преобладающим фактором.

Система глагольной валентности в древнегреческом языке принадлежала к ярко выраженному конъюнктивному типу, подобно тому, как это

¹URL: <http://www.sek.edu.gr/login?next=%2F> (дата обращения: 25.08.2025).

²URL: https://hnc.ilsp.gr/index.php?current_page=main&lang=en (дата обращения: 25.08.2025).

³URL: <https://www.greek-language.gr/greekLang/index.html> (дата обращения: 25.08.2025).

⁴URL: <http://web-corpora.net/GreekCorpus/search/?ysclid=lpdlqnfae75946033> (дата обращения: 25.08.2025).

⁵По определению Ю. Д. Апресяна, дизъюнкция является синонимическим средством языка. Среди примеров, приводимых ученым, есть, в частности, «Учить студентов математике» и «Учить студентов управлять комбайном». Можно привести и поливариантные примеры вроде «почесать кота за ухом», «почесать коту за ухом» и «почесать коту ухо» [Апресян, 1995, с. 84].

происходит в русском языке, например: *платить за что кому что / чем*. В новогреческом языке это значение безальтернативно закрепилось за словом *πληρώνω*. Изначально это слово обозначало *наполнять*, в том числе предусмотренную для оплаты меру. Поскольку лексемы этого семантического круга формируются уже на достаточно развитом этапе социализации, в древнегреческом языке оставалось еще несколько слов со значением *платить*, так что наряду со словом *πληρόω* в этом значении использовались *τίνω*, *ἀποδίδωμι* и др. При всем различии их происхождения и этимологии они демонстрировали схожее управление, поскольку за актантом-бенефициаром была закреплена форма дательного падежа (*τίνι*), актант, передающий стоимость или платежное средство, занимал место прямого дополнения (*τι*) и, наконец, актант, соответствующий предмету приобретения (*за что?*), вводился аналогичным союзом *ἄντι*. Таким образом, мы имеем дело с четырехвалентными (четыrehместными или четырехактантными, считая агенс) глаголами, все линии валентности которых не пересекаются между собой, но остаются постоянными и могут актуализироваться независимо друг от друга. Места валентности древнегреческого глагола (как и русского) остаются неизменными по форме синтаксической связи независимо от заполненности других мест, что удовлетворяет понятию конъюнктивной валентности.

В новогреческом языке наблюдается совсем иная картина. Глагол *πληρώνω* в своем двухактантном употреблении (т. е. с агенсом и пациенсом) демонстрирует дизъюнктивную валентность, поскольку позицию прямого дополнения в винительном падеже может занимать как агентивный пациент, обозначающий лицо, которому платят за работу, так и неодушевленный пациент:

Πληρώνω τον υδραυλικό (Acc.) – Я плачу сантехнику. *Πληρώνω τη δουλειά* (Acc.) – Я плачу за работу / оплачиваю работу.

Изменчивость линий валентности легко прослеживается при трехактантном употреблении этого глагола. Если требуется сказать: *платить кому за что*, то агентивный пациент занимает место непрямого дополнения (*ἔμμεσο ἀντικείμενο*), соответствующего дательному падежу:

Πληρώνω τη δουλειά (Acc) στον υδραυλικό / Του πληρώνω τη δουλειά. – Плачу сантехнику за работу / Ему плачу за работу.

Здесь слово *δουλειά* (*работа*) в позиции прямого дополнения принимает форму винительного падежа, а слово *υδραυλικός* (*сантехник*) образует предложную конструкцию, трактуемую в новогреческой грамматике как *ἔμμεσο ἀντικείμενο* – не прямое или косвенное дополнение, которое функционально заместило утраченный дательный падеж.

Трехактантное употребление больше соответствует схеме управления русского предложения с поправкой на то, что в гомологичном русском высказывании вместо слова *платить* использовалось бы слово *оплачивать*, например: *оплачивать работу сантехнику*. И, наконец, четырехактантное употребление максимально приближается по синтаксису к древнегреческому и русскому:

Πληρώνω μεγάλο ποσό (Acc.) στον υδραυλικό (непр. дополнение = дат.) *για τη δουλειά*. – Плачу большую сумму (вин.) сантехнику (дат) за работу.

Του (непр. доп. = Dat) *Πληρώνω μεγάλο ποσό* (Acc) *για τη δουλειά*. – Ему (дат.) плачу большую сумму (вин.) за работу.

Важно понять, что третье место (*сантехнику* – στον υδραυλικό) не является самостоятельным и принимает такой вид только при реализации второго места (*работу* – τη δουλειά). Таким образом, соотношение актантов (услуги, бенефициара и платежного средства) и предусмотренных для них синтаксических мест (прямого дополнения, косвенного дополнения и предложной конструкции) не оказывается фиксированным по умолчанию, как в русском языке. При отсутствии в синтаксическом построении высказывания актанта услуги актант бенефициара займет позицию прямого дополнения, приняв соответствующую грамматическую форму, а именно – винительного падежа без предлога.

Здесь представляется уместным говорить о прототипическом дополнении, которое при полной речевой актуализации событийной схемы вытесняет все остальные актанты с позиции прямого дополнения. Как было продемонстрировано, при трехчленной схеме актант услуги вытесняет актант бенефициара с позиции прямого дополнения, однако и сам оказывается вытесненным отсюда актантом платежного средства при четырехчленной схеме. При полной речевой актуализации данной событийной схемы иное синтаксическое выражение семантики актантных ролей невозможно, что и подтверждает наше предположение о прототипическом дополнении, лежащем в основе всего грамматического строя предложения. Именно этот принцип и делает полностью реализованную

новогреческим языком событийную схему схожей с древней формой языка, а также и с русским языком. Тем не менее при реализации двухместной схемы (подлежащее и дополнение при глаголе) любой из трех участников ситуации (кроме субъекта-агенса) может занять синтаксическую позицию прямого дополнения, что было бы невозможно в языках с фиксированной валентностью, как русский или древнегреческий.

Механизм валентности в новогреческом языке действует скорее по принципу вытеснения, чем по принципу дизъюнкции. При формировании глагольного узла главным фактором оказывается степень прототипичности актантов в качестве прямого дополнения. Остальные актанты будут подстраиваться под сложившуюся конфигурацию. Речь не идет о понятии дизъюнктивной валентности в узком смысле этого слова, который вкладывал в данный термин Апресян [Апресян, 1995]. Употребление какого-либо из актантов в качестве прямого дополнения не исключает использования остальных участников ситуации в других позициях. Таким образом, исключительность или дизъюнктивность проявляется только в возможности для актанта занять определенную синтаксическую позицию, но тем актантам, которые он вытеснил с этой позиции, также выделяется место в структуре предложения.

В русском языке с его конъюнктивной валентностью, предполагающей фиксированные места, мы имеем жесткую взаимосвязь между семантической и синтаксической валентностью. Семантическая валентность определяет синтаксическую, распределяя актанты по валентным местам в зависимости от их значения. В новогреческом валентные места заполняются по мере употребления актантов, так что глагольный узел формируется в большей степени благодаря смысловому взаимодействию актантов между собой, чем в силу определенных семантикой глагола синтаксических предубеждений его валентностей.

Возвращаясь к приведенному выше примеру, нельзя не указать на возможность альтернативного построения при трехактантном заполнении: Πληρώνω τον υδραυλικό για τη δουλειά / Τον πληρώνω για τη δουλειά, при котором актант исполнителя-бенефициара оказывается в позиции прямого дополнения, а выполняемая им работа отодвигается на второй план, передаваемый предложной конструкцией.

Глаголов, обладающих подобным плавающим управлением, в новогреческом языке насчитывается достаточно много. К ним относятся такие трехместные глаголы, как διευκολύνω (*облегчать кому / что*), σερβίρω (*подавать, сервировать кому /*

что), εμπνέω (*вдохновлять, навешивать кому / что*) и др. По логике новогреческого синтаксиса можно облегчить работу, но можно и человека, который ее выполняет, сервировать можно не только обед, но того, кому его подают, вдохновлять можно как идею, так и автора и т. д. Но при использовании схемы с двумя актантами один займет синтаксическое место прямого дополнения, а другой – косвенного. Есть и двухместные глаголы, вроде κλέβω (*красть / обкрадывать*) или σπέρνω (*сеять / засеивать*), также свободно варьирующие предмет кражи или посева с актантом, обозначающим владельца украденного предмета или поле в позиции прямого дополнения.

Среди русских соответствий подобным греческим глаголам лишь глаголы *спрашивать* и *учить* допускают использование в позиции прямого дополнения как предмета вопроса или обучения, так и лица, от которого ожидается получение ответа или образования соответственно. Эти довольно редкие для русского языка модели управления помогают понять устройство глагольного управления в греческом. Выбор одушевленного или неодушевленного актанта в позиции прямого дополнения в греческом языке в большинстве случаев требует от русского перевода замены лексемы, так что речь идет о переводческой трансформации.

ПЕРЕВОДЧЕСКИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ В ИМЕННОЙ ОБЛАСТИ

Как показывает предшествующее исследование [Гришин, 2024], синтаксические изменения глагольного узла и актантная деривация обуславливают наибольшее количество переводческих трансформаций в паре «русский – греческий»; тем не менее именная область также представляет материал для регулярных перестроений при переводе. Разумеется, в данной языковой паре, как и в любой другой, встречается довольно много случаев генерализации, конкретизации и других случаев несоответствия, вызванных полисемией, однако они не носят регулярного характера, оставаясь переводческими трансформациями на уровне отдельных лексем¹. Помимо них можно выделить особый тип переводческих трансформаций, вызванный дефективностью образования прилагательных в новогреческом языке. В русском прилагательные образуются от подавляющего большинства существительных, в то время как в греческом языке по ряду причин значительное

¹Подобного рода лексические трансформации описаны в исследовании Электры Филиппиду [Филиппиду, 2024] и в теоретической части учебника по теории перевода [Тресорукова, Гришин А., Гришин Д., 2022].

количество имен не имеет атрибутивной деривации. В связи с этим десятки словосочетаний, среди которых *автобусная остановка, автомобильное сиденье, комнатная температура, древесный лист, кухонная мебель, правовое государство* и т. д., образуются в греческом языке при помощи двух существительных, одно из которых принимает форму родительного падежа без артикля. Эта модель оказывается настолько продуктивной, что приживается в греческом даже в случаях образования соответствующего прилагательного. Так, например, такие словосочетания как *солнечные очки, насильственные преступления, скоростная магистраль* или *аудиофайл* образуется по той же модели с использованием формы родительного падежа без артикля, невзирая на наличие в греческом языке прилагательных *солнечный, насильственный, скоростной* и *звуковой*.

Данная модель оказывается продуктивной и при титулованиях: Князь Московский – Δούκας Μόσχας (князь Москвы), Митрополит Закинский – Μητροπολίτης Ζακύνθου (митрополит Закинфа). В греческом языке образование прилагательных от топонимов не носит регулярный характер, поэтому титулования по определению представляют собой отдельный вид переводческих трансформаций.

Приведенный выше ряд однотипных сочетаний двух существительных, одно из которых принимает форму родительного падежа без артикля, оказывается сродни падежной функции Genetivus Qualitatis в латинском языке. Особая роль здесь отводится артиклю, точнее его отсутствию, поскольку нулевой артикль в этой позиции указывает на атрибутивную роль существительного. Поэтому словосочетание *στάση λεωφορείου* без артикля следует переводить как *автобусная остановка*, а *στάση του λεωφορείου* – как *остановка автобуса*. Данные словосочетания не являются коннотативно равноценными, поскольку вариант *остановка автобуса* предполагает, что автобус попадает в фокус высказывания (например: *Встретимся на остановке автобуса и поедим на экскурсию*), а на *автобусной остановке* можно, допустим, укрыться от дождя. Фраза *укрыться от дождя на остановке автобуса* и в русском языке выглядит избыточно детализированной, поскольку безосновательно считать, будто автобусная остановка защищает от осадков лучше по сравнению с троллейбусной или трамвайной. Артикль сам по себе также является, уже в силу его отсутствия в русском языке, источником переводческих трансформаций. В древнем языке ему принадлежала синтаксическая роль: он указывал, в частности, на субъектную функцию в оборотах вроде

двойного винительного и двойного именительного, субстантивировал инфинитивные конструкции и т. д. В новогреческом языке артикль развился в инструмент передачи тема-рематических отношений, которые в русском языке передаются порядком слов.

Есть, однако, в новогреческом языке, и такие функции артикля, для которых русский язык сохранил традиционные средства смысловыражения. Речь идет о категории определенности и полноты совершения действия по отношению к объекту. Одной из главных возможностей русского языка в этом отношении служит использование родительного падежа в качестве дополнения, передающего количественную неопределенность: *выпил молоко* – *выпил молока, взял деньги* – *взял денег*. В новогреческом языке это отличие передается наличием и отсутствием определенного артикля: *Ἦπιε το γάλα* – *Ἦπιε γάλα* и *Πήρε τα λεφτά* – *Πήρε λεφτά*. Использование русским языком родительного падежа для выражения неполноты действия гомологично частичному артиклю во французском языке. Для русского языка это далеко не единственный способ отражения количественной неопределенности, которая может передаваться также глагольными приставками или видом глагола. В новогреческом языке единственным способом выражения категории полноты совершения действия в отношении объекта остается артикль: *покупает акции* – *Αγοράζει μετοχές, скупает акции* – *Αγοράζει τις μετοχές* или *брал деньги* – *Πήρε λεφτά, взял деньги* – *Πήρε τα λεφτά*.

Большой интерес представляют переводческие трансформации, обусловленные отрицанием. В частности, русский язык выработал весьма гибкую, практически не ограниченную никакими условностями систему отрицания, в то время как в новогреческом языке, напротив, возможности отрицания предельно сужены. Отрицательная частица *δεν* сочетается только с глаголом, поэтому для указания на то слово, к которому по смыслу относится отрицание, пришлось выработать особые синтаксические механизмы. Одним из основных таких механизмов служат сильные формы местоимений. Не принимая отрицания сами по себе, они, тем не менее, указывают на то, что отрицание при глаголе относится именно к ним. Так, фраза из известного кинофильма «Заметьте, не я это предложил!» имеет единственно возможный перевод, в котором отрицательная частица *δεν* сочетается с глаголом, а принадлежность отрицания местоимению проясняется использованием сильной формы местоимения: «Προσέξτε, δεν το πρότεινα εγώ!» Очевидно, что такого рода

ситуации возникают постоянно, создавая повод для регулярных переводческих трансформаций.

Другим таким механизмом служит противопоставление с использованием того члена, к которому относится отрицание. В случае совершения действия другим лицом, а не тем, о котором можно было подумать, отрицание, тем не менее, ставится при глаголе: *Δεν πλήρωσε το γεύμα ο Κώστας*. На то обстоятельство, что обед всё же оплачен, пусть и не Костасом, указывает лишь эмфатическая позиция, которую занимает соответствующий актант в конце предложения. Окончательно прояснить ситуацию способен лишь противопоставление, которое в новогреческом языке может быть построено по большому и по малому кругу:

Ο Κώστας δεν πλήρωσε το γεύμα το πλήρωσε ο Νίκος (букв.: 'Костас не оплатил обед, его оплатил Никос').

Δεν το πλήρωσε ο Κώστας, αλλά ο Νίκος (букв.: 'Его не оплатил Костас, но Никос').

Отрицательная частица и в том, и в другом случае продолжает использоваться при глаголе; однако в первом случае повторяется вся глагольная группа, контраст подлежащих при которой и указывает на истинное место отрицания, а во втором случае противопоставление строится по упрощенной схеме при помощи противительного союза *αλλά*.

Еще одна регулярно возникающая ситуация, в которой неизбежно приходится прибегать к переводческим трансформациям, обусловлена тенденцией греческого языка избегать слов с негативным значением. Так, носитель греческого языка вместо «Я плохо говорю по-русски» скажет «*Δε μιλάω καλά Ρωσικά*» (букв.: «Не говорю хорошо по-русски»), вместо «Мой дядя плохо слышит» «*Ο θείος μου δεν ακούει καλά*» (букв.: «Мой дядя не слышит хорошо») и вместо «У меня мало денег» – «*Δεν έχω πολλά λεφτά*» (букв.: «Не имею много денег»). Использование в подобных контекстах негативных членов оценочных бинарных оппозиций исказило смысл фраз, которые перестали бы звучать нейтрально, а приобрели бы нежелательные коннотации. Вследствие этой тенденции использовать слова с позитивным значением, а негативный смысл передавать через отрицание при глаголе, слова с позитивным значением встречаются в речи значительно чаще, чем их пары. Так, корпус греческого языка *Πύλη για την ελληνική γλώσσα* (greek-language.gr) на запрос по слову *καλά* (*хорошо*) выдает 193 контекста, в то время как соответствующие антонимы с негативным значением *κακά* и *άσχημα* дают

60 и 39 контекстов. Даже такие расхожие фразы, как «*мне хорошо*» и «*мне плохо*» в равной мере передаются позитивным наречием с отрицанием при глаголе во втором случае: *Είμαι καλά / Δεν είμαι καλά*.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, остается заключить, что и в процессе перестроения глагольного узла, и в именной области семантика предопределяет синтаксическое строение, а синтаксис, в свою очередь, превалирует над морфологией. Как в глагольном узле новогреческого языка одни и те же актанты свободно занимают различные синтаксические позиции безо всякого морфологического маркирования, так и в именной области существительное выполняет атрибутивную функцию без образования прилагательного морфологическим способом.

Рассмотрев механизмы дизъюнктивизации валентности как фактора образования переводческих трансформаций в паре «русский – греческий», мы пришли к выводу, что при смене традиционной модели управления, а именно – конъюнктивной валентности с совместимыми друг с другом фиксированными местами на новую модель (при которой одни актанты вытесняют другие с одних и тех же синтаксических позиций, оказывая при этом прямое влияние на управление глагола и опосредованное – на его семантику), происходит существенное ослабление глагольной доминанты. В классических моделях Кацнельсона и Терньера глагол директивным образом предопределяет построение всего предложения, образуя его в равной степени семантический и синтаксический узел; при новой, дизъюнктивной, а скорее, комбинаторной модели, совокупность и соотношение второстепенных актантов определяют строй предложения. Перспективы дальнейшего исследования должны включать в себя также рассмотрение влияния структур языка на системность мышления и на формирование картины мира, поскольку «отдельные этнические языки по-разному влияют на человеческое мышление и приписывают ему различные картины мира» [Костюхин, 2023, с. 57].

Особое значение имеют переводческие трансформации именной области в паре «русский – греческий», реализующиеся в рамках полисемии. Такого рода трансформации проявляются на уровне отдельных лексем, различная репрезентация денотатов которых также может указывать на их структурное и концептуальное воздействие на формирование картины мира.

Регулярные же переводческие трансформации в паре «русский – греческий» в именной области связаны прежде всего с дефективностью образования прилагательных в греческом языке и с функциональной ролью артикля. Соответственно, в качестве перспективы дальнейшего исследования видится более предметный анализ влияния

переводческих трансформаций на семантическую динамику и когнитивную репрезентацию мира у носителей обоих языков. При этом важно учитывать роль культурных и исторических факторов, которые обуславливают особенности языковой картины мира и, следовательно, влияют на реализацию механизмов перевода и коммуникации.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Гришин А. Ю. Типология переводческих трансформаций в паре русский – греческий // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2024. Вып. 12 (893). С. 32–39.
2. Кацнельсон С. Д. К понятию типов валентности // Вопросы языкознания. 1987. № 3. С. 20–32.
3. Теньер Л. Основы структурного синтаксиса. М.: Прогресс, 1988.
4. Апресян Ю. Д. Избранные труды. Т. I. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. 2-е и зд., испр. и доп. М.: Восточная литература, РАН, 1995.
5. Филиппиду Э. Имплицитность / эксплицитность смысловыражения лексических единиц в новогреческом языке в соотношении с русским // Глобальный научный потенциал. 2024. № 10 (163). С. 309–312.
6. Тресорукова И. В., Гришин А. Ю., Гришин Д. А. Теория и практика перевода на материале греческого языка. М.: Изд-во МГУ, 2021.
7. Костюхин А. А. Основные причины создания конструируемых языков // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. Вып. 12 (880). С. 55–61.

REFERENCES

1. Grishin, A. Yu. (2024). Typology of translation transformations in the Russian-Greek pair. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 12(893), 32–39. (In Russ.)
2. Katsnelson, S. D. (1987). On the concept of valence types. Questions of linguistics, 3, 20–32. (In Russ.)
3. Ten'ér, L. (1988). Osnovy strukturnogo sintaksisa = Basics of Structural Syntax. Moscow: Progress. (In Russ.)
4. Apresyan, Yu. D. (1995). Izbrannyye trudy. Tom I. Leksicheskaya semantika: Sinonimicheskie sredstva yazyka = Selected Works (Vol. I). Lexical Semantics: Synonymous Means of Language. 2nd ed., rev. and additional. Moscow: Vostochnaya literatura, RAN. (In Russ.)
5. Philippidu, E. (2024). Implicitness / explicitness of the meaning-expression of lexical units in the Modern Greek language in relation to Russian. Global scientific potential, 10(163), 309–312. (In Russ.)
6. Tresorukova, I. V., Grishin, A. Yu., Grishin, D. A. (2021). Teoriya i praktika perevoda na materiale grecheskogo yazyka = Theory and practice of translation based on the Greek language. Moscow: Izdatel'stvo MGU.
7. Kostyukhin, A. A. (2023). The main reasons for the creation of constructed languages. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 12(880), 55–61. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Гришин Алексей Юльевич

кандидат философских наук

доцент кафедры скандинавских, нидерландского и финского языков переводческого факультета
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Grishin Alexey Yulievich

PhD in Philosophy

Associate Professor at the Department of the Scandinavian, Dutch and Finnish Languages
Faculty of Translation and Interpreting
Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

30.07.2025
25.08.2025
09.09.2025

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication